

КРЫМСКИЙ ТЕКСТ В РУССКОЙ И МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

УДК: 821.161.1

СИМВОЛИКА ИСХОДА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XX В.
(НА МАТЕРИАЛЕ ПЬЕСЫ М. БУЛГАКОВА «БЕГ»)

Новикова Марина Алексеевна,

*д. филол. н., профессор кафедры русской и зарубежной литературы
Таврической академии (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
295007, Симферополь, проспект Академика Вернадского, 4,
тел. +7 (3652) 54-50-36, e-mail: kaf_rizl@mail.ru*

Абрамова Елена Юрьевна,

*к. филол. н., докторант кафедры русской и зарубежной литературы
Таврической академии (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского» (г.
Симферополь)
295007, Симферополь, Героев Аджимушкая 9/1,
тел. +7 (3652) 254511, e-mail: masha_mironova55@mail.ru*

Статья рассматривает пьесу М. Булгакова «Бег» (1926–28) в религиозно-философском контексте, с учётом символической картины мира автора. Прослежено историческое происхождение ключевого концепта российского эмигрантского дискурса «Исход» (Ю. Семенов, 1968), его библейская семантика и полное несоответствие ей у булгаковской пьесы. Проанализирован второй символический вариант этого концепта, «бег», и его реализация в ролях главных персонажей. Особенно подробно выявлена символика «бега» и её оксюморонность у персонажей военных (Чарнота) и духовных (архиепископ Африкан, монахи). Это позволило завершить анализ концептом «Бог» и его репрезентацией в пьесе, включая крымские (таврические) и константинопольские реалии, с ним связанные.

Впервые показано, что картина мира в Крымском (или шире, Юго-Восточном) Тексте Булгакова предстает как Хаос, из которого не будет и не может быть чисто социального исхода.

Ключевые слова. М. Булгаков, пьеса «Бег» (1926–28), религиозно-философский контекст, Крымский Текст, Исход, «бег», Библия, военные и духовные персонажи пьесы, крымские / константинопольские реалии, картина мира, «Бог», «Хаос».

Прелиминарии. Произведения М. Булгакова (1891–1940) вообще, его пьеса «Бег» [2], (I редакция – 1926–28, II редакция – 1937) в частности, не страдают от недостатка литературоведческих исследований. Популярности «Бега» немало способствовал одноимённый фильм (1970), где главные роли исполняли выдающиеся актёры М. Ульянов, В. Дворжецкий, Е. Евстигнеев и др., а режиссерами были известные мастера А. Алов и В. Наумов. Фильм имел большую киноведческую прессу. Затронута уже (хотя бы предварительно) и проблема Крымского Текста Булгакова [3]; см. тж. материалы 13-ти ежегодных Крымских Международных Симпозиумов «Русский вектор в мировой литературе: крымский контекст» (Симферополь, 2002–2015).

Вместе с тем, анализ булгаковедческих работ, посвященных «Бегу», показал, что текст этот таит в себе немало лакун – и не только частного характера. Не исследована целостная картина мира этой пьесы, система её символов. Они не рассмотрены в связи с символикой Родины/чужбины, плотно окружающей и даже строящей как военно-исторический, так и эмигрантский художественный и художественно-документальный дискурсы российской литературы от начала 1920-х годов и до наших дней. Не прослежена роль пьесы как «предваряющего проекта» для романа «Мастер и Маргарита».

Указанные пробелы и определили **задачи** настоящей работы. **Целью** же её можно считать дальнейшую разработку методологии религиозно-философского анализа художественных произведений средствами современной филологии – одно из самых актуальных и перспективных направлений общемировой филологии XXI века.

Варианты названия пьесы. Кроме своего окончательного названия, пьеса «Бег» имела еще две версии (редакция 1927 года): «Изгой» («Рыцари Серафимы») [13, 159]. (Ср.: «Рыцарь Серафимы» [16, 278]). Прокомментируем их.

Первая версия отсылала читателя / зрителя к мотиву крестовых походов и к его ответвлению: сюжету о «рыцаре бедном», отдавшем себя на служение Деве Марии [14]. Осмысление Белого движения как нового крестового похода за спасение «Святой Руси» было достаточно традиционным и для российской эмиграционной публицистики, и для

художественной литературы конца 1910-х – начала 1920-х годов. Отдали дань этой символике (включая сакрально-эротический ее компонент) и персонажи Булгакова: и его романа «Белая гвардия», и его пьесы «Дни Турбиных». «Бег» по своей символической канве напоминает упрощенный вариант обеих этих вещей.

Однако к «Святой Руси» крестоносная и католическая куртуазная символика никакого отношения не имела. Она отражала лишь неомистику и неомифы недавнего Серебряного века. Символы Западной традиции могли бы принадлежать Антанте. В белоэмигрантском контексте они только перепутывали места действия и религиозные характеристики персонажей. От этой версии М. Булгаков отказался.

Вторая версия названия пьесы «Бег» также проецировала персонажей на совсем другую символику и традицию – на юродивых. Подобная проекция тоже не устраивала драматурга. Путаницы хватало внутри текста (и мира) пьесы. Усилить эту путаницу еще и «ложным» названием М. Булгаков не захотел.

Ложным же название «Изгой» стало бы неизбежно. Ведь юродствуют белые герои пьесы не по миссии свыше, а по собственной инициативе. Никакая духовная сила не заставляла Серафиму Голубкову соглашаться на роль проститутки, Голубева – на роль мытаря, Чарноту – на роль картежного или тараканьего генерала, Хлудова – на роль палача с граммофонными романсами.

У булгаковской «мистерии-буфф» мистерия могла быть не слишком белой. Но «буффонным» ее название не должно было быть.

Исход. Уход из родных мест на чужбину, причём уход (или, по библейски, «исход») массовый, – сюжет, повторяющийся в Библии неоднократно. Назовём лишь некоторые библейские «исходы», поворотные для истории «народа Израиля», и не только его, а и всей «священной истории» человечества. Это изгнание из рая [1], поскольку именно тогда предысторию Человека пятнает первородный грех гордыни (а он породит на Земле, согласно Писанию, первые страдания и первую смерть). Это выход праотца Авраама и его ближних из «земли Ур» в Палестину [10, стлб. 40–41]. Причина его – первый прямой диалог Бога с Человеком, первый кардинальный слом прежней привычной веры и жизни, произошедший по одному лишь призыву Бога: единственной мотивировке и гарантии правильности такого поступка. Затем – по той же модели – будет Потоп и Ковчег Ноя [8, 324–326], [1, 140–141]; ещё позже будут переселение иудеев во время голода в Египет и далее, наоборот, их исход с Моисеем во главе из Египта назад, в «Землю Обетованную» [11, стлб. 1584–1585], [8, 164–168].

Можно найти в Библии ещё несколько (но немного!) подобных поворотных моментов, укладывающихся в единую модель: катастрофи-

ческая ситуация на «старой» родине; решение вождя-праведника поднять и увести свой род / народ (чаще всего, по непосредственному призыву Божества) – трудный путь – сопутствующая серия благословений, чудес и обещаний свыше – обретение новой Родины. Такая сюжетная модель станет не только событийным каркасом библейской истории, но и фундаментом новой, монотеистической веры, основанной на личном диалоге Бога и Человека, на их «союзе», «договоре» (berith), с одной стороны, – и на готовности Человека (в лице вождя ли, пророка ли, всего ли рода / народа) взять на себя личное мужество и риск соблюдения этого договора [8, 100–112].

При всей причудливости перипетий XX века, которые породили и утвердили социокультурное понятие «Исход» применительно к российской белой эмиграции 1919–1920-х годов, – библейские прообразы этого концепта несомненны. Однако родился концепт «Исход» (вопреки сегодняшним нашим представлениям) не среди белых эмигрантов, не за рубежом и не вскоре после революции. Он появился на свет в начале «оттепели», в «советской» литературе и прессе. Есть у него даже персональный автор. Этот автор имеет отношение к Крыму (где он подолгу жил и работал), но не имеет никакого отношения к палестиноведческому, гебраистическому или библиеведческому кругу специалистов, к которым весьма близко стоял М. Булгаков. Насколько нам удалось установить, впервые пустил этот концепт в широкий обиход в 1967 году (но на монгольском материале) писатель Юлиан Семёнов [4, 384], а подхватил ленинградский журнал «Нева», в рубрике «Русское зарубежье».

Таким образом, само слово (и понятие) «Исход» Булгаков не мог использовать ни в 1920-е, ни в 1930-е годы. Однако концепцию российской эмиграции как провиденциального возмездия, а вместе с тем, историко-культурной миссии он использовать мог. По меньшей мере, он мог это сделать хронологически, поскольку такого рода концепция начала формироваться среди религиозно настроенных эмигрантов еще в 1920-е годы. В Советском Союзе, конечно же, была позволена только первая составляющая (мотив вины), но не вторая (мотив миссии).

Зато *символика* ухода (исхода) сопровождает эмигрантские сюжеты неизбежно – и за границей, и в Союзе. Шкала её словесных воплощений простирается широко: от уничижительного «бегства», «драпанья», «унесения ног» до нейтрального «отъезда» и возвышенного «покидания родной земли», «расставания с Родиной». Что же мы обнаруживаем у Булгакова?

Возьмём для примера одного из главных персонажей «Бега» – генерала Чарноту. В первой действии (I «сне») Чарнота поначалу никуда не движется – он лежит в монастыре на лавке, притворяясь больным и

прячась от красных. Прошлое для него – «болото», куда «провалился» [2, 90] прежний, победоносный, молодой ещё запорожец-кавалерист Чарнота. (Ему всего 35 лет – возраст Данте, только-только вступающего в загробье). Впрочем, в Крым Чарнота, его подчиненные и близкие ещё не бегут, а едут. Их будут сопровождать лихие казацко-гусарские песни. В песнях у них есть ещё Родина («степь родная», «волны нив»), а сами они ещё «соколы». Лишь пророческий «ветер» в конце действия («сна») будет петь им о том, что их тела скоро окажутся «далёко», а души «высоко» [2, 97–99].

В финале пьесы (VIII «сна») у Чарноты не останется уже никого. («Развела ты нас, судьба, кто в петлю, кто в Питер <...>» [2, 166]). Сам Чарнота теперь вечный иностранец. Недаром он сравнивает себя с Летучим Голландцем [17, 98], Вечным Жидом [7, 34], рыцарем Короля Артура [7, 108–109]. Причем и эти высокие аналогии оборачиваются пародией. (Король Артур, к примеру, делается Артуркой, хозяином константинопольских «тараканьих бегов»). Сопровождают Чарноту уже не бравые походные марши, а разбойничья песня. Ею вводится мотив вины, а сценическая биография Чарноты (вопреки заявлениям самого героя) становится похожей на биографию генерала Хлудова. Авторские ремарки, провожающие Чарноту со сцены («распахивает дверь на балкон», «исчезает», [2, 166–167]), имплицитно заключительное самоубийство.

Религиозно-философский контекст: священнослужители. Их в пьесе трое, не считая коллективного персонажа – монастырского хора. По очередности их появления на сцене они таковы: 1) Высокопреосвященнейший Африкан, Архиепископ «Симферопольский и Карасубазарский»; 2) монах Паисий; 3) игумен монастыря (безымянный).

Поскольку выросал Булгаков в церковном и богословском окружении, именованник названных трёх лиц не мог не быть ориентирован на имена символические – прославленных святых и/или церковных деятелей. Чрезвычайно богат такой символический фон имени у Паисия (греч. «ребенок» [15, 85]). Тут мы встретим фигуры самого широкого географического и национального происхождения (Галич, Сербия, Египет, Молдова, Углич, Греция и др.) [11, стлб. 1737–1739]. Объединяет их одно: все они не только монахи, а и монахи просвещённые, зачастую писатели и переводчики. Ничего подобного нельзя сказать о герое Булгакова.

Ещё сложнее история с Африканом. Самый ранний из канонизированных святых с таким именем, Св. мученик Африкан [11, стлб. 2153, 1845 и др.], входит в группу африканских святых-воинов (III в. н. э.). Есть основания считать, что первоначально это было не личное имя, а общий для всех них эпитет. И наоборот: безымянный монастырь из «Бега»

точный именной прообраз как раз имеет. Это Корсунский монастырь, находившийся в Таврической губернии, между Каховкой и Алешскими лесами. Основан он в 1791 году архимандритом Иосифом. В Северную Таврию Иосиф приехал после того, как князь Григорий Потёмкин-Таврический издал официальное приглашение заселять малолюдную тогда Великую Степь, ставшую новообразованной Таврической губернией. Не существовало в действительности булгаковского экклезионима (церковного имени) для новой епархии. Реально – называлась эта епархия не «Карасубазарской», а Таврической и *Симферопольской*. Перед I Мировой войной (1912) насчитывала она 1.116.486 православных прихожан, 763 храма и 10 монастырей [11, стлб 1238–1239]. Итого епархия в «Беге» реальная, однако названа она «неправильно». И наоборот: архиепископ нереален, хотя имя такое в православных святцах есть.

Странности со священнослужителями их именником не исчерпываются. Во-первых, все трое занимают в пьесе сугубо второстепенное положение. Поначалу они только прячутся от красных, а после II действия пропадают вовсе. Во-вторых, странны и двусмысленны их сценические характеристики. Архиепископ Африкан предстаёт в «мирском» полушубке и выдаёт себя за «химика из Мариуполя». Мариуполь известен как переселенческий город крымских греков-ромеев и карачаевцев. Зато химической промышленностью он отнюдь не был прославлен [5, 76–77].

У монаха Паисия от «ребёнка» остался только «испуг». Ремарки гласят: он «чёрен», появляется «бесшумно», «сатанеет от ужаса» и внезапно «исчезает». Если бы не ремарки другого типа («зажигает свечи», «часто и жадно крестится»), Паисий сошёл бы за привидение.

Игумен без имени почему-то не знает, к какой епархии принадлежит его монастырь (к епархии Одесской и Херсонской). Сам он является на сцену из люка в полу – в театре так искони являлись демонические персонажи. Генерал Чарнота, отступая с белыми войсками в Крым, советует Игумену «сесть в подземелье». По фабуле это означает – отсидеться, пока красная конница не пройдёт мимо. По символике это значит – занять место гоголевского Вия. Что же касается Африкана, нельзя не вспомнить, что в старину жития и проповеди называли африканцев «муринами» (от «маврос»). А второе старорусское значение слова «мурин» – дьявол [6, 360]. Игумен, правда, не «проваливается» в конце «под землю», как Паисий, не «исчезает», как Африкан. Его исход фундаментальной. «Угасает, расплывается во тьме» не он один, а весь его монастырь.

Самый, пожалуй, неожиданный сценический «исход» припасён Булгаковым для хора. Монастырский хор перестаёт звучать к концу I-

го действия, военный хор – к концу II-го. В Константинополе останется только хор, поющий в балагане «тараканьего короля» Артурки, но при этом на фоне рефреном возникающего эзана – призыва к молитве, доносящегося с минаретов. Балаганный хор поёт в конце разбойничью песню. Однако из текста этой песни в текст пьесы Булгаков введёт лишь слова «Господу Богу помолимся» [2, 167]. Ими и завершится партитура хора в «Беге».

Религиозно-философский контекст: Бог. Тогда, быть может, более канонично представлен в пьесе концепт «Бог»? Проверим и это предположение.

Входит булгаковский «Бог» в мир «Бега» далеко не сразу. Является Он неприметно: междометием «ей-Богу» – десемантизированной клятвой. Звучит она в устах приват-доцента Голубкова и никак не связана ни с религией, ни с Церковью. Подхватывает эту эстафету Бога как междометия монах Паисий. У него первый вопль «Господи!» вырывается в ответ на угрозу красных: они-де догадываются, что монахи фонарями подавали сигналы белым. Полнозначно же «Бог» начинает звучать лишь в приветственном обращении Игумена к Архиепископу Африкану (I «сон»). Затем «Бог» сохраняет тот же серьезный модус в реплике генерала Хлудова (II «сон»): «Сиваш, Сиваш заморозил Господь Бог. <...> Фрунзе по Сивашу, как по паркету, прошёл!» [2, 108] – и в ответной реакции Африкана: «Господи, воззри на них (белых. – М. Н., Е. А.) просвети и укрепи. Аще царство разделится, вскоре разорится!» [2, 109]. Но тут пародийны не слова, а сами ситуации. Африкан убежит из Крыма, бросив свою паству (и пьесу) уже после первых двух действий. Для Хлудова замёрзший Сиваш – не провиденциальный урок, а фиглярский трюк Неба. («Георгий-то Победоносец смеётся!» [2, 108]). А «Бог» вернётся в пьесу всерьёз лишь при развязке в Константинополе. Только будет это уже не христианский Бог, в сопровождении традиционного патрона российских войск – святого Георгия, а мусульманский Аллах, со своим пророком Мухаммедом, в распевах муэдзина.

Иными словами, когда в «Беге» Бог – это действительно Бог (или, по меньшей мере, грозный символ высших сил), пародиен Его контекст. Когда же серьёзен контекст, умалется до служебного или профанного статуса сам булгаковский «Бог» [9].

Вместо заключения. Ни булгаковедение, ни эмиграционистика, ни – тем более – религиозно-философское направление в литературоведении не являются завершёнными областями научного знания. Все они открыты для дальнейших находок, для постановки новых, пока ещё не решённых проблем. На некоторые из них имеет смысл указать уже сейчас.

1. Картина мира в «Беге» М. Булгакова не может, на наш взгляд, считаться элементарной *инверсией* «нормальной» (т. е. традиционной) символической картины мира. Это не просто мир, в котором добро и зло, правда и мнимость, жизнь и смерть, герои и антигерои поменялись местами. Это нечто более страшное: мир *хаоса*, где сами перечисленные оппозиции уже теряют содержание.

2. Именно потому персонажи пьесы действительно *бегут*, но бегут не просто от красных и не только из России или из Крыма. Они бегут от/из хаоса. Поскольку же хаос – состояние в пьесе глобальное, хаотичной оказывается для персонажей любая история и любая «малая история» – биография. Убежать они стремятся в «до-историческое» бытие, а в пределе – в «утробный миф». Отсюда лейтмотивы сна, забывтья, «выключенного» времени. Отсюда же символика «детского», «младенческого» поведения, включая «утробные» позы, «окутывающую», «постельную» одежду – или, наоборот, раздевание.

3. Предстоит выяснить: на каких условиях внутри общей картины мира и личного авторского сознания произошёл у Булгакова этот мировоззренческий слом? Следует ли искать его истоки в региональных, национальных и межнациональных катастрофах XX-го века и предшествующей эпохи «между веками» [12]? Отчего именно у Булгакова (быть может, больше, чем у его литературных современников и соплеменников) слом этот затронул не только социальные аспекты, но также (или прежде всего) религиозно-философские глубины сознания? Крымский Текст Булгакова, надеемся, будет немаловажным ориентиром при работе над указанными проблемами.

Список литературы

1. Аверинцев С.С. Рай // С.С. Аверинцев. София – Логос. Словарь. К.: Дух и Литера, 2000. С. 146–149.
2. Булгаков Михаил. Бег // Избранные произведения К.: Дніпро, 1990. С. 84–167.
3. Виленский Ю.Г., Навроцкий В.В., Шалюгин Г.В. Михаил Булгаков и Крым. Симферополь: Таврия, 1995. 144 с.
4. Кино: Энциклопедический словарь / Гл. ред. С.И. Юткевич. М.: Сов. энциклопедия, 1987. 640 с.
5. Мариуполь // В.В.Ковтун, А.В.Степаненко. Города Украины: Экономико-географический справочник. К.: Вища школа, 1990. С. 76–77.
6. Мурин // Даль Вл. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т.2. М.: Гос. изд-во иностр. и науч. словарей, 1955. С. 360.
7. Мифы народов мира. В 2 т. Т.1. / Гл. ред. С. А. Токарев. М.: Сов. Энциклопедия, 1991. 671 с.

8. Мифы народов мира. В 2 т. Т.2. / Гл. ред. С. А. Токарев. М.: Сов. Энциклопедия, 1991. – 719 с.

9. Петровский М. Смех под знаком Апокалипсиса // Вопросы литературы. 1991. №5. С. 3–33.

10. Полный православный богословский энциклопедический словарь. В 2 кн. Кн. 1. СПб.: Издательство П. П. Сойкина, 1912. 578 с.

11. Полный православный богословский энциклопедический словарь. В 2 кн. Кн. 2. СПб.: Издательство П. П. Сойкина, 1912. 697 с.

12. Решетников Л.П. Исход как следствие слома русского национального кода в 1917 году // Крымский Пролог: Исход на чужбину русской армии, флота и гражданских беженцев осенью 1920 года: Междунар. научно-просвет. конф. Севастополь, 10–12.09.2015., Доклад.

13. Смелянский А. Михаил Булгаков в Художественном театре М.: Искусство, 1989. 432 с.

14. Сурат И.З. «Жил на свете рыцарь бедный...» // Сурат И.З. Жизнь и лира. О Пушкине: статьи. М.: Издательство «Книжный сад», 1995. С. 5–116.

15. Федорова М.В. Русские имена в XX веке. Белгород: Издательство Шаповалова, 1995. 128 с.

16. Чудакова М.О. Жизнеописание Михаила Булгакова. М.: Книга, 1988. 672 с.

17. [S.a.] *The Flying Dutchman* // *Brewer's Book of Myth and Legend*. / Ed. by J.C. Cooper. London, Cassel Publ. Ltd., 1992. P.98.

THE SYMBOLISM OF EXODUS IN THE RUSSIAN
LITERATURE OF THE TWENTIETH CENTURY
(BASED ON THE PLAY BY M. BULGHAKOV «RUNNING»)

Novikova Marina Alekseenva,

*D. in Philol., Professor of Crimea Federal V.I. Vernadsky University
(Simferopol, Crimea Republic, Russia),
tel.: +7 (3652) 54-50-36, e-mail: kaf_rizl@mail.ru*

Abramova Yelena Yurievna,

*Ph.D., Philosophy Doctor
of Crimea Federal V.I. Vernadsky University
(Simferopol, Crimea Republic, Russia),
tel.: +7 (3652) 254511, e-mail: masha_mironova55@mail.ru*

The paper deals with M. Bulgakhov's play «Running» (1926-28), and its religious and philosophical context. The author's symbolic world vision is also taken into consideration. The key concept of Russian emigration discourse, «Exodus», its Bible

semantics and absolute inadequacy in Bulghakhov's play, together with its historical origin have been traced. Another symbolic variant, «running», has been analyzed in the main personages' roles, most precisely its oxymoron textual presentation. The analysis is summed up with the «God» concept and its textualization, including Crimean and Constantinopolitan references. A new view is suggested upon Bulghakhov's Crimean / South Eastern Text which is modelled as Chaos, with no social Exodus.

Keywords: *M. Bulghakhov, «Running» play (1926-28), the religious and philosophical context, «the Crimean Text», concept, Exodus, «running», the Bible, army officers and clergy as drama characters, references (Crimean, Constantinopolitan), world vision, God, Chaos.*

References

1. Averincev S.S. Ray [Paradise] // S.S. Averincev. Sofiya – Logos. Slovar [Sofia – Logos. Dictionary]. Kiev, Duh i Litera Publ., 2000. Pp. 146–149.
2. Bulghakov Mikhail. «Beg» [«Running», play] // Izbrannye proizvedeniya [The Selected works]. Kiev, Dnipro Publ., 1990. Pp. 84–167.
3. Vilenskiy Yu.G., Navrockiy V.V., Shalyugin G.V. Mikhail Bulghakov i Krym [Mikhail Bulghakov and Crimea]. Simferopol, Publishing House «Tavriya», 1995. 144 p.
4. Kino: Enciklopedicheskiy slovar [Cinema: the Encyclopedic dictionary] / Ed. S.I. Yutkevich. Moscow, Sovyetskaya enciklopediya Publ., 1987. 640 p.
5. Mariupol // V.V. Kovtun, A.V. Stepanenko. Goroda Ukrainy: Ekonomiko-geograficheskiy spravochnik [Cities of Ukraine: Economic and geographical guide]. Kiev, Vishhaya shkola Publ., 1990. Pp. 76–77.
6. Murin // Dal V.I. Tolkovyi slovar zhivogo velikoruskogo yazyka. V chetiryoh tomah. [Explanatory dictionary of living great Russian language. In 4 volumes]. Moscow, State publishing house of foreign and scientific dictionaries, 1955. Vol. 2. P. 360.
7. Mify narodov mira. V dvuh tomah [Myths of the world. In 2 volumes]. / Ed. S.A. Tokarev. Moscow, Sovyetskaya enciklopediya Publ., 1991. Vol. 1. 671 p.
8. Mify narodov mira. V dvuh tomah [Myths of the world. In 2 volumes]. / Ed. S.A. Tokarev. Moscow, Sovyetskaya enciklopediya Publ., 1991. Vol. 2. 719 p.
9. Petrovskiy M. Smeh pod znakom Apokalipsisa [Laughter under the sign of the Apocalypse] // Voprosy literatury [Questions of literature]. 1991. No 5. Pp. 3–33.
10. Polnyi pravoslavnyi bogoslovskiy enciklopedicheskiy slovar. V dvuh knigah [Complete Orthodox theological encyclopedic dictionary. In 2 books]. St. Petersburg, The Publishing House of P.P. Soykin, 1912. Book 1. 578 p.
11. Polnyi pravoslavnyi bogoslovskiy enciklopedicheskiy slovar. V dvuh knigah [Complete Orthodox theological encyclopedic dictionary. In 2 books]. St. Petersburg, The Publishing House of P.P. Soykin, 1912. Book 2. 697 p.
12. Reshetnikov L.P. Ishod kak sledstvie sloma russkogo nacionalnogo koda v 1917 godu [The Exodus as a result of the scrapping of the Russian national code in 1917] // Krymskiy Prolog: Ishod na chuzhbinu russkoy armii, flota i grazhdanskih bezhencev osenyu 1920 goda: Mezhdunarodnaya nauchno-prosvetitskaya konferenciya Sevastopol, 10–12.09.2015., Doklad [The Crimean prologue: Exodus abroad of the Russian army, navy and civilian refugees in the autumn of 1920: international scientific and educational conference, Sevastopol, 10-12.09.2015., Report].

13. Smelyanskiy A. Mikhail Bulgakov v Hudozhestvennom teatre [Mikhail Bulgakov at the Art theater]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1989. 432 p.

14. Surat I.Z. «Zhil na svete rycar bednyi...» [«There Lived a poor knight...»]. // Surat I.Z. Zhizn i lira. O Pushkine: statyi [Life and Lira. About Pushkin: articles]. Moscow, Publishing house «Knizhnyi sad», 1995. Pp. 5–116.

15. Fedorova M.V. Russkie imena v dvatsatom veke [Russian names in the twentieth century]. Belgorod, Publishing House Shapovalova, 1995. 128 p.

16. Chudakova M.O. Zhizneopisanie Mikhaila Bulgakova [Biography of Mikhail Bulgakov]. Moscow, Kniga Publ., 1988. 672 p.

17. [S.a.] The Flying Dutchman // Brewer's Book of Myth and Legend. / Ed. by J.C. Cooper. London, Cassel Publ. Ltd., 1992. P. 98.